

**КОНАН
И СВЯТИЙЩЕ
ПРИГОД**

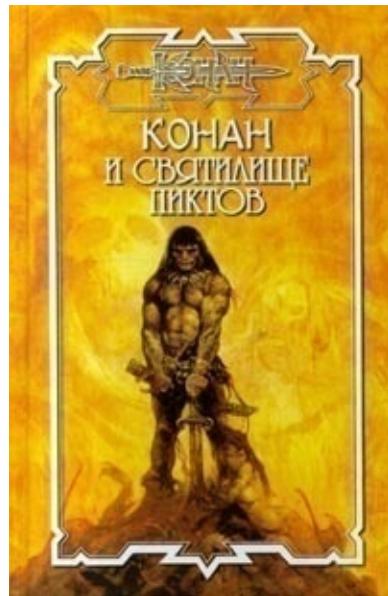
Annotation

...Конан следопыт знает землю Конаджохары — он исходил ее вдоль и поперек, часто бывал и за Черной рекой, углубляясь в пиктские дебри так далеко, как не отваживались и храбрейшие. На этот раз он вынужден противостоять новому таинственному колдуна клана Ворона...

•

Джей Болтон

Святилище Пиктов

(«Северо-Запад Пресс», 2003, том 59 «Конан и Святилище Пиктов»)

Резкий крик птицы и хлопанье крыльев заставили человека, быстро идущего по лесной тропе, в мгновение ока исчезнуть за толстым стволом ближайшего клена.

Птица так и осталась невидимой в густой зелени — только качнулись

ветки. И снова в лесу воцарилась тишина — душная, тяжелая и полная угрозы.

Человек осторожно выглянул из-за дерева. Настоящий великан — около семи футов роста, — он двигался с грацией тигра. Его костюм был обычен для жителей пограничья: мягкие высокие сапоги, короткие штаны, сшитые, правда, не из кожи, как у большинства поселенцев к западу от Боссона, а из шелка, кожаная куртка-безрукавка, стянутая широким поясом, за которым торчал короткий топор.

Кроме топора человек был вооружен большим двуручным мечом. Один вид этого грозного оружия говорил о том, что его хозяин не земледелец и не охотник. Таким мечом мог владеть только опытный воин.

«Клянусь Кромом! Неспроста эта пичуга раскричалась! Ведь не я же ее спугнул... И никто из пиктов не сделает такой глупости, разве что спьяну. А кто здесь еще может быть?»

Мысль о том, что птица могла кричать просто так, без причины, не пришла ему в голову. В пиктских дебрях ничего просто так не случалось. Кто так считал, тот очень скоро отправлялся к престолу Митры.

Человек бесшумно скользнул в заросли. Несмотря на погожий солнечный день, в лесу царил полумрак. Лучи солнца почти не проникали под густую зеленую завесу, отделявшую царство света, простора и свежего ветра от душного царства зловещих теней, лежащего под кронами деревьев. Человек словно сам превратился в тень: он будто скользил над землей, быстро, но в то же время осторожно пробираясь к подозрительному месту. Движение его не замедляли ни сплетения лиан, ни колючий кустарник. Обнаженный меч тускло мерцал в зеленоватом сумраке.

«Где-то здесь...»

Великан замедлил шаг и пригнулся, словно хищник перед прыжком, готовый к немедленному отпору.

И тут до его слуха донесся слабый стон. Человек с мечом на мгновение замер, обводя взглядом стволы деревьев и кусты, прислушиваясь и принюхиваясь, затем медленно двинулся в направлении звука.

Почти обнаженное, покрытое коркой грязи и засохшей крови тело лежало за полусгнившим замшелым бревном. Мутные, полные муки и тоски глаза загорелись, увидев иссеченное шрамами лицо и гриву черных волос.

— Конан...

— Троттен, старина! — Конан наклонился над раненым. — Чего это ты тут разлегся?

Троттен был одним из лучших следопытов в приграничье, уступая в

умении и опыте лишь самому Конану: никто из цивилизованных людей, даже родившихся и выросших под сенью Пиктской пущи, не мог на равных тягаться с могучим варваром из Киммерии.

— А мы уж думали, твой череп давным-давно скалится на шесте в какой-нибудь пиктской деревушке, — продолжал киммериец, заботливо приподнимая Троттена и прислоняя его к стволу дерева. — На-ка, глотни!

Следопыт с жадностью приник к горлышку фляги, долго пил, наконец обессилено опустил голову.

— Уф, полегчало... Как ты здесь оказался?

— Занимаюсь обычным делом, — пожал плечами Конан. — Пикты в последнее время совсем обнагели — шныряют среди бела дня под самыми стенами Велитриума. Такое нахальство не по нутру ни жителям города, ни его правителю. В конце концов этот жирный индюк вспомнил обо мне — и вот я здесь, собираюсь лишний раз доказать, что не зря получаю жалованье. Если повезет, то притащу в Велитриум какое-нибудь пугало в перьях, там из него сумеют выжать все. Ну а не получится — разнюхаю все сам, пока не ослеп, хвала Крому! Но со всеми этими делами придется денек подождать. Сначала надо тебя отправить за Громовую реку.

Троттен слабо покачал головой:

— Тебе надо спешить... Дело слишком серьезное. А я... я уже не жилец, Конан. Четыре дня назад получил стрелу в правую ходулью...

Конан присмотрелся и вздохнул. Глаза сказали ему то, о чем давно говорило обоняние: нога Троттена почернела и распухла. В воздухе стоял тяжелый запах гниющей плоти.

— Во мне уже не кровь, а дермо, — тяжело дыша, пробормотал следопыт. — Ты мне можешь помочь только своим мечом. Понимаешь?

Конан медленно кивнул.

— Я надеялся до последнего, хотя еще вчера все было ясно. А когда стал перелезать через это проклятое бревно, то от боли потерял сознание и грохнулся с нее, как пьяная шлюха с порога борделя.

— И спугнул птицу, — пробормотал Конан.

— Когда очнулся, ясно понял, что слишком долго жил на этом свете. Дальше мне ползти незачем. Так что...

Конан вздохнул. В суровой жизни, которую он вел с детских лет, не было места жалости, но подобные просьбы не вызывали у него восторга. Тем не менее неписаный кодекс чести варвара вынуждал его выполнить эту работу: Конан кивнул и поднял меч.

— Погоди! Пока все тихо, я расскажу о том, что со мной произошло. Клянусь преисподней, тебе стоит меня послушать!

Конан, нахмурившись, бросил взгляд по сторонам. В лесу царила тишина.

— Говори, друг.

— Правитель беспокоится не напрасно. Пикты готовят набег, по сравнению с которым резня в Конаджохаре полгода назад — детская забава. Велитриум эти дьяволы могут сожрать на завтрак, а где они будут ужинать...

— Зубы поломают! — ощерился киммериец.

— Я знаю, о чем говорю. Не знаю только, когда... и где. Они ведь могут и обойти Велитриум, пройти южнее, через Тандару... или севернее, там даже удобнее. Во имя Митры, Конан, запомни мои слова: все пограничье, весь Боссон содрогнется — и скоро!

Троттен замолчал и провел языком по пересохшим губам. Киммериец вновь поднес к его рту свою флягу. Отпив несколько глотков и переведя дух, следопыт продолжал:

— Ты знаешь, я ушел на разведку около двух месяцев назад, вместе с Лотто и Ривьером. Мы прошли всю Конаджохару, нигде не встретив даже следа пиктов. Вышли к Черной реке, севернее форта Тускулан, почти у самых болот. Там нас и сцепали, как будто знали, что мы идем именно туда, устроили засаду по всем правилам. Ривьеру повезло больше, чем нам с Лотто, он успел прикончить двух размалеванных псов, а потом свалился с раскроенным черепом. Меня с Лотто взяли в плен — мы успели только схватиться за оружие, но пустить в ход не сумели.

— Скорее всего вас заметили давно и вели до самой реки, — буркнул Конан. — А сразу не напали потому, что хотели убедиться, не идет ли следом более сильный отряд. Пикты обычно используют этот прием, если их не слишком много и они не уверены в своей победе.

— Связанных, как баранов, нас переправили через Черную. Очухались мы уже на западном берегу, в деревне Гавель... ты ее знаешь...

Конан кивнул: конечно, он ее знал. Землю Конаджохары — девятнадцать лиг с востока на запад и девятнадцать с севера на юг — он исходил вдоль и поперек, часто бывал и за Черной рекой, углубляясь в пиктские дебри так далеко, как не отваживались и храбрейшие из следопытов. Сейчас в Конаджохаре безраздельно хозяйничали пикты. Полгода назад колдун клана Ворона Зогар Саг, родом из этой самой Гавели, сумел объединить около десятка племен, и раскрашенная орда, взяв приступом форт Тускулан, хлынула на восток. Только неожиданная смерть Зогар Сага спасла Велитриум от незавидной участи сожженных конаджохарских деревень: потеряв предводителя, пикты сражались уже не

столь яростно.

С тех пор граница проходила по Громовой реке, а Конаджохара стала камнем преткновения для нескольких пиктских кланов, которые никак не могли решить, кому из них владеть этой землей. Но какая разница аквилонцу, пикт какого клана размозжит ему голову медным топором?! Любой дикарь был непримиримым и вечным врагом любого хайборийца.

Конан, предки которого на протяжении тысяч лет сражались с предками нынешних пиков, был еще более непримиримым врагом лесных дикарей. За годы странствий по цивилизованным странам он не утратил звериного чутья на опасность, не раз спасавшего ему жизнь. Сейчас его инстинкт молчал.

Вряд ли поблизости находятся враги, но, слушая Троттена, киммериец все равно держал ухо востро. Расплатой за беспечность всегда была жизнь, а Конан, в отличие от Троттена, не считал, что чересчур зажился на этой земле.

Следопыт тем временем продолжал говорить. Он был совсем плох, каждое слово Троттен будто выталкивал из себя, часто останавливался, чтобы перевести дух, иногда его речь становилась совсем тихой и неразборчивой, и тогда Конан склонялся к самым губам умирающего.

— В Гавели нас бросили на площади, перед шалашом колдуна. Веревки, разумеется, не развязали. Мы были уверены, что нам не дожить до заката... Ты знаешь, как пикты истязают пленных. Сознаюсь, мысль о предстоящих пытках сверлила мне мозг. Я боялся, что не смогу их выдержать, буду орать и извиваться на потеху этим ублюдкам. Судя по лицу Лотто, его обуревали те же сомнения.

«Выдержишь?» — спросил он меня одними губами.

«Постараюсь», — прохрипел я, сплевывая кровь

Удар по ребрам заставил меня прикусить язык.

Между тем пикты даром времени не теряли: нас быстро привязали к двум столбам на площади, развели большой костер...

Перед шалашом колдуна собралась огромная толпа, наверное, все обитатели деревни. Однако сам колдун не появлялся. Я напряг мышцы, когда нас привязывали, но пикты знали свое дело. Я с ужасом понял, что очень скоро мы с Лотто запоем на два голоса — ясно, что пытка не избежать. Тут и колдун появился, не из шалаша — из леса. Толпа внезапно раздалась в стороны, и мы увидели, что в распахнутые ворота входит он. И важной походкой, что твой король, направляется к нам.

— Ты ведь видел Зогар Сага? Тот старый пень был кровожадным чудовищем, но он был пиктом!

Голубые глаза Конана сверкнули, рука непроизвольно стиснула рукоять меча.

— Ты хочешь сказать...

— Да! Новый колдун клана Ворона — белый! Конан прищурился, размыкаясь.

Строго говоря, пикты тоже принадлежали к белой расе, но скажи об этом любому пограничному жителю, и останешься без нескольких зубов или получишь синяк под глазом, это уж как повезет. Низкорослые мускулистые дикари были очень смуглыми и внешне никак не походили на хайборийцев.

Точно так же и пикты не переносили любого не пикта. И уж совсем невероятным казалось, что белый смог получить в клане верховную власть.

— Говорю тебе. — Троттен сжал руку Конана. — Он белый, но не аквилонец. Скорее, он похож на тебя — очень высокий, черноволосый...

«Киммериец? Но это уже сущий бред».

— Видел бы ты, как пикты дрожали перед ним! Старый Зогар даже мечтать не мог о таком величии. На голове у него были перья — обычное украшение колдуна, но волосы схвачены золотым обручем с огромным рубином. Даже в столь жалком положении я не мог не восхититься игрой света на гранях камня. Это нечто невиданное!

Колдун был обнажен до пояса, и грудь его была разрисована — ну, как всегда у пиктов. Только там, где сердце, я заметил татуировку — иглу, вроде наконечника копья...

— Наконечника копья, говоришь? — переспросил Конан. Лицо варвара окаменело — воспоминания прошлого стремительно пронеслись в голове: таинственный Талисман Света, черный колдун Нэг, полчища мертвецов-зомби и еще девушка... как ее звали? Кажется, Эшли. Ее киммериец припомнил с удовольствием: лицо его смягчилось и загадочная улыбка заиграла на губах. -

— Что с тобой, Конан, тебя что-то встревожило?

— Нет-нет, продолжай, друг, — отмахнулся северянин от воспоминаний.

— И вот, этот парень, остановившись в трех шагах, долго глазел на нас и о чем-то думал. Глаза его были черны, как кожа кушита! Просто дырки в черепе, из которых на меня глянула ночь! Я даже почувствовал холод, меня всего затрясло, и я ничего не мог поделать с этой проклятой тряской: дрожал так, что зубы стучали не хуже пиктских барабанов. Тут впервые я подумал, что нас ждет кое-что хуже пыток и смерти.

А колдун, повернувшись к молчавшим пиктам, только бросил:

— Не сегодня и не здесь.

И — ни звука! Пикты послушно стали расходиться. А ведь лишить их любимого зрелища — это все равно что отнять кость у голодного пса. А тут не то что не взвыли, никто даже не пикнул. Колдун скрылся в своем шалаше, а нас отвязали и бросили в какой-то сарай до утра. Утром они за нами явились размалеванные, что шлюхи в Велитриуме. Без колдуна пришли, приказали идти вместе с ними.

Шли мы на запад — солнце все время за спиной оставалось, долго шли, то болотом, то лесом. Не знаю, куда они нас тащили, только чем дальше в лес, тем на душе у меня тревожнее становилось. Что-то скверное есть в тех болотах, я бы туда по собственной воле ни за что не полез. Холодом от них веет могильным... Ты меня знаешь, Конан, я никогда трусом не был, но тут и меня проняло, да и сами дикари, вижу, трясутся, словно хвосты заячьи, и все молчком топают.

«Ну, — думаю, — не иначе в гости к колдуну направляемся».

Я как встречу с ним представил, как глаза его вспомнил, у меня сердце заколотилось.

И тут случай этот представился, и, уж поверь, я его не упустил. Прыгнул в воду головой вниз — лучше утонуть, чем сдохнуть от пыток. Обратную дорогу я хорошо запомнил. Удивительно, эти демоны даже не гнались...

Конан стремительно наклонился к другу, зажимая ему рот ладонью. Прислушался — не показалось ли?

Нет — вот опять зашуршало. Киммериец взглянул на Троттена — следопыт глазами дал понять, что тоже услышал. Конан осторожно выглянула из-за бревна, долго и пристально всматривался в густую зелень.

Шагах в пятидесяти веточки слегка шелохнулась — словно от дуновения ветерка.

«Да только ветер сейчас не с той стороны. Слишком близко дикари подобрались, — посетовал про себя Конан. — Сколько их, двое? Да нет, пожалуй, трое... Кром, один прямо сюда ползет! Ну что ж — встретим!»

Киммериец отдал Троттену свой топор, знаками показал, что врагов всего трое и где находится каждый из них. Следопыт кивнул в ответ, мол, понятно.

Словно змея, Конан бесшумно скользнул в заросли ежевики.

Пикты были совсем рядом. Сейчас прижавшемуся ухом к земле киммерийцу казалось, что лес содрогается от их тяжелой поступи.

Не каждый осмелился бы устроить в конаджохарских лесах засаду на пиктов — эти бестии чуяли любую опасность за лигу и нередко ничего не

подозревающий охотник сам превращался в дичь.

Конан тоже не любил засад, но совсем по другим причинам. Для северянина существовал только один достойный способ боя — когда ты лицом к лицу с противником, глаза в глаза, клинок против клинка. Стрельба из-за кустов и удары в спину не для него. Он и сейчас не собирался изменять этим правилам, готовясь выйти навстречу врагам.

Но в этот раз что-то сразу не заладилось, и, когда Конан понял, в чем дело, было уже слишком поздно. Пиктов оказалось больше — двое против него, двое против Троттена.

С криком, в котором смешалась ярость и досада, Конан бросился на врагов. Пикты, не ожидавшие нападения, на мгновение застыли, и этого вполне хватило киммерийцу.

Сверкнуло лезвие двуручного меча, и оба воина рухнули на землю, склоненные одним, страшной силы ударом.

Теперь успеть помочь другу. Через валежник, через колючие кусты ежевики... Уже не скрываясь, с громким вызовом на поединок — может, это привлечет внимание пиктов или хотя бы даст выиграть время. Впереди послышался хриплый стон. Затем возня...

Конан вырвался из кустов, перемахнул через колоду, сбив с ног замешкавшегося пикта, склонившегося над окровавленным телом Троттена. Удар был настолько силен, что воин кубарем покатился по траве да так и остался лежать бездыханным. Второго киммериец нашел в нескольких шагах с проломленной топором головой.

Конан похоронил всех в одной могиле. Отыскал небольшую ложбинку, перетащил тела и старательно завалил камнями, чтобы дикие звери не растащили останки.

Слова Троттена не шли у Конана из головы. Но сведений слишком мало. Наверняка придется лезть к пиктам в логово, чтобы узнать все подробнее. Так стоит ли откладывать? Кроме того, таинственный колдун, судя по всему, земляк киммерийца, весьма заинтересовал Конана. В душе варвара кипели презрение и ярость к предателю. Черная метка на груди колдуна всколыхнула мрачные воспоминания, а огромный рубин разбудил любопытство варвара.

Конан принял решение. Отсюда через леса Конаджохары, через Черную реку до пиктской деревушки Гавель он знал дорогу. Далее на запад, в глубь болот. Так далеко киммериец еще не забирался. Дурные слухи о болотах ходили по всему приграничью — злые места, населенные демонами.

Три дня крался Конан нехожеными лесными тропами, забираясь все

дальше и дальше в глубь страны пиков. Он поднимался с первыми лучами солнца и шел до заката, порой прихватывая часть ночи и ориентируясь только по звездам. Переправившись через Черную реку, он обогнул земли пиков, принадлежавших клану Ворона и повернул на запад, туда, куда вели Троттена и Лотто, и где, как считал погибший следопыт, находилось логово таинственного белокожего колдуна. Конан чувствовал, что именно там он найдет корень зла, источник нависшей над западной Аквилонией опасности.

Впрочем, добро, зло — пусть над этим ломают голову мудрецы. Конан делал лишь то, что считал нужным, помня о службе, которую обязан нести. К тому же его гнало вперед любопытство.

Опасности? Ха! Кто более опасен — тигр или волки? Вопрос спорный.

Тем не менее путь Конана был действительно опасен. Лес кишел пиктами, как захудалый постоянный двор клопами.

В первый же день Конана обогнал отряд его старых знакомых — пиков из клана Ворона. Киммериец двинулся следом за ними и чуть было не столкнулся с воинами другого отряда, шедшего с севера, в волосы которых были вплетены перья ястреба.

Дойдя до лесной дороги, по которой час назад прошли Вороны, клан Ястреба также повернул на запад. В течение дня перед Конаном поочередно сменились Филины, Гадюки, Рыси, даже Волки — самое могучее племя, жившее далеко к северу от этих мест. Все говорило о том, что лесная дорога, вернее, просто широкая тропа, на которую посчастливилось выйти Конану, вела именно туда, куда он и стремился попасть.

В конце концов киммерийцу надоело тащиться следом за пиктским войском, и, отойдя от торной дороги примерно на лигу, он пошел быстрее.

На третий день начались болота.

Конан не любил болот. Даже больше — он их терпеть не мог. Если раньше он бежал волчьей рысью, то сейчас тащился словно улитка, а противное чавканье, с которым Конан вытирал сапоги из вонючей жижи, разносилось по всей округе. Гудение полчищ изголодавшихся москитов не смолкая звенело в ушах.

— Пики, наверное, все разом оглохли, — бурчал киммериец себе под нос, — раз не слышат, как я шлепаю по этой каше.

На закате третьего дня Конан набрел на островок, где и решил заночевать. Мокрый до нитки, измазанный грязью киммериец растянулся во весь рост на мягкому мху, положив рядом с собой обнаженный меч.

Глубоко вздохнув, закрыл глаза.

...И тут же открыл их. Где-то совсем рядом — ему показалось, что прямо над ухом, — раздался пронзительный вой, от которого любой человек вскочил бы и побежал во все лопатки — неважно куда, лишь бы подальше.

Киммериец давно избавился от такой глупой привычки. Он продолжал лежать, только крепче сжал рукоять меча.

Конан узнал этот леденящий душу крик.

Многие жители пограничья слышали подобные вопли по ночам, особенно при сильном южном ветре. Они доносились с болот, окружающих Конаджохару. Ну, а здесь, в сердце Пиктской пущи, почему бы болотному демону не выйти на прогулку?

Высокая худая фигура вынырнула из вечернего тумана. Высоко, будто цапля, поднимая ноги, она шла прямо на островок.

Киммериец стиснул зубы. У него был шанс остаться незамеченным — демоны плохо различали неподвижные предметы. Но если тварь попросту наступит на него? Островок настолько мал, что это вполне вероятно. Конан знал, с какой дьявольской быстротой могут двигаться эти бестии, а если демон завопит, то на призыв тут же сбегутся его приятели: весьма проворные ребята с хорошо заточенными коготками почти в фут длиной. Эти коготки очень ловко могут отхватывать головы, киммериец такое видел неоднократно. Выход один — бить так, чтобы демон не успел даже пикнуть.

Киммериец лежал не шевелясь. Тварь почему-то замешкалась.

«Учуял?»

Демон сделал пару шагов и снова застыл в пяти ярдах от Конана, принюхиваясь и поводя своей безобразной головой со светящимися глазами вправо-влево.

Медлить было нельзя.

В одно мгновение тело Конана взметнулось вверх и вперед. Миг — и киммериец стоит на согнутых ногах в двух ярдах от чудища. Тварь резко обернулась, огромные горящие глаза остановились на нежданном враге. Меч варвара коротко свистнул, послышался чавкающий звук...

Конан расслабил напряженные мышцы и перевел дух. Его клинок был точен: косой, снизу вверх удар аккуратно отделил левую лапу и плечо вместе с головой от туловища. Бесформенный ужасный обрубок еще стоял несколько мгновений, содрогаясь от фонтанирующей крови, и наконец упал на землю.

Конан перевел дыхание.

Вдалеке слышались завывания демонов. Тварь, разрубленная пополам, издохла мгновенно, не успев возвратить к сородичам.

Могучий вековой лес жил ночной жизнью: рыкнул вышедший на охоту ягуар, где-то затрубил мастодонт, далеко-далеко взывала к звездам заунывная песня волков. Древней чаще не было дела ни до Конана, ни вообще до всего людского рода.

Конан вытер клинок о траву и снова прилег на моховую перину. Проспав до рассвета, он утром чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, как будто спал на роскошной постели.

Киммериец продолжил свой путь. Охватке с демоном он и не вспоминал — велика важность... Так, незначительный эпизод, один из многих.

Солнце не успело пройти и половины пути до полудня, когда Конан вдруг понял — что-то вокруг изменилось. Подсознательно он ощущал это и раньше, а тут будто пелена с глаз спала: варвар застыл, до колен увязнув в илистой грязи.

Место, где он сейчас находился, ничем примечательным не выделялось. Все то же лесное болото, поросшее чахлыми лиственницами, соснами и березами, кочкарник, изумрудно-зеленые лужайки, скрывающие бездонные окна, мох, вереск — все как вчера. И все-таки...

Конан поднял голову, медленно огляделся. Обостренное чутье на опасность подсказывало — нет, громко кричало, — что он пряником лезет в змеиное гнездо. Ему припомнились слова Троттена о необъяснимом ужасе, который тот испытал в этих местах. Сейчас он понимал, о чем говорил следопыт.

«Кажется, я у цели».

Некоторое время Конан раздумывал. Приняв решение, он повернулся налево, туда, где по его расчетам находилась дорога. Он действительно вскоре вышел на нее. Сотни, если не тысячи ног, обутых в сапоги, превратили тропу в грязное месиво, двигаться по которому было еще труднее, чем по болоту.

Но теперь Конан не спешил.

Киммерийцу казалось, что сам воздух здесь пропитан злобой... Даже не злобой, а чем-то настолько чуждым людям — и не только им, а самому миру: этим деревьям, кустам, болоту, небу и солнцу! Всему, даже пиктам!

Конану никак не удавалось отделаться от мысли, что с каждым шагом он удаляется дальше и дальше от земли, на которой родился и жил почти сорок лет, что он уходит куда-то в невообразимое нечто.

Или ничто?

«В гости к Крому, что ли?»

Скорее уж, в преисподнюю, потому что это загадочное нечто определенно было враждебным — именно в силу своей чужеродности.

Пытаясь разобраться в своих чувствах, Конан окончательно запутался, наконец он плонул на все мудрствования, крепче сжал меч и пошел дальше, понимая одно: там, впереди, — враг, а какой — неважно.

Местность мало-помалу повышалась. Лиственницы и ели сменились кленами и дубами. Идти стало легче, но Конан замедлил шаг.

«Теперь уже скоро. Немного осталось».

Перед киммерийцем открылся невысокий пригород, к вершине которого он направился в надежде осмотреться и наметить дальнейший путь. И хотя находился холмик всего-то в нескольких шагах, дорога к нему заняла уйму времени.

Солнце успело высоко подняться над лесом, прежде чем он достиг вершины.

Пришлось удвоить осторожность — вся земля вокруг была испещрена многочисленными следами пиктов, но еще раньше Конан почувствовал сладковатый запах дымка, который принес с собой западный ветер. Небольшие отряды воинов так и сновали взад-вперед, торопясь по своим непонятным делам.

Наконец Конан выбрался на пригород и смог оглядеться. Прямо от подножия простиралось бескрайнее болото.

Но болото необычное: его поверхность, практически лишенная иной растительности кроме мха, бугрилась и топорщилась, словно свежая пашня после нашествия кротов. Вся местность была изрезана складками, точно исполинское зеленое покрывало, откинутое великанской рукой, с равномерно рассеянными на ней камнями, и, если бы не их правильный облик и четкие, хотя и притертые временем грани, Конан решил бы, что раньше здесь была гора, разобранная неведомыми каменотесами на отдельные глыбы.

Однако киммериец не сомневался, что видит перед собой мертвый город. За время долгих странствий он повстречал их достаточно и в знойных землях юга, и далеко на востоке за морем Вилайет.

Руины некогда огромного человеческого поселения дышали древней силой и тайной. Конан не чувствовал в ней враждебности, но все же источник зла находился именно здесь. Пытливый взгляд киммерийца поневоле все время возвращался к одному и тому же месту, где среди развалин и остатков фундаментов громоздилось непонятное сооружение в виде циклопического кольца, опоясанного цепью каменных менголов. В

самом центре его находился небольшой долмен, словно гигантская землянка, отмытая дождями, с крохотным глазком чернеющего входа в подземелье. Именно оттуда тянуло угрозой и могильным холодом, чувствующимся даже на расстоянии.

Многочисленные отряды пиктов расположились вокруг каменного кольца походным лагерем. Сразу бросилась в глаза непривычная для столь многолюдного сборища тишина и какое-то необъяснимое, немного торжественное состояние воинов, застывших, будто каменные изваяния, вокруг своих костров. Никто не смел входить внутрь кольца, как заметил Конан, и лишь вожди кланов переносили туда странные свертки, аккуратно складывая их у входа в долмен и спешно покидая таинственный круг.

Солнце уже давно перевалило за полдень, когда над болотом послышался жалобный плач, словно погребальная песнь, которая, казалось, шла из-под самой земли. И верно, вскоре из подземелья потянулась длинная вереница пиктов в нелепых и непривычных для них одеяниях, вроде жреческих хламид, которые эти дикари и носить-то не умели.

Конан от души посмеялся, глядя на столь необычное зрелище, но эти недавно посвященные адепты неведомых сил вели себя так важно и надменно, будто шагали во главе колонны богов. Некоторые из них несли чаши, вырезанные из человеческих черепов, — они-то и исполняли гимн, от которого у киммерийца сводило зубы. Лица и руки жрецов были разрисованы яркими красками. Видимо, полностью отказаться от своих дикарских привычек пикты все-таки не смогли.

Те, кто был свободен, без промедления принялись заносить свертки внутрь подземелья. Чашеносцы же покинули круг и разбрелись среди завороженных, словно в гипнотическом сне, воинов. Устрашающего вида сосуды передавались в руки вождей, с жадностью голодных хищников лакающих таинственное питье. Чаши прошли по рукам, пока последний из воинов не пригубил хотя бы каплю напитка, и вернулись к хозяевам. На этом церемония закончилась. Жрецы скрылись под сводами долмена, а пикты через некоторое время потянулись прочь с болота. Но их места тотчас занимались другими, кому не досталось божественного напитка и кто не успел к началу церемонии, ибо бесчисленные отряды дикарей все шли и шли сюда из леса.

Вскоре внутри каменного кольца вновь выросла гора даров и подношений. Терпеливые в своем ожидании пикты неподвижно сидели у костров, не смея даже шорохом нарушить могильную тишину. Конан прекрасно понимал, что здесь он больше не увидит ничего интересного.

Нужно попытаться проникнуть внутрь долмена. Но как это сделать, когда повсюду дикари?..

Заморосил теплый летний дождик. Снова выглянуло солнышко. Весь день Конан провалялся на вершине холма, наблюдая за пиктами. Ближе к вечеру торжественный выход жрецов повторился.

Перед закатом отряд дикарей загнал в священный круг десяток пленных хайборийцев — ужасно изможденных и смертельно уставших, — и они тут же повалились на стынущую землю. По действиям воинов киммериец догадался, что жрецы не появятся раньше утра. С несчастными пленниками осталось всего двое сторожей из разных кланов, меняющихся каждые несколько часов.

«Пожалуй, это единственный шанс», — решил Конан и немедленно приступил к осуществлению своего плана.

Конан соскользнул с холма и где бегом, где ползком подобрался к спящему лагерю. Здесь, в самом сердце своих владений, пикты вели себя крайне беспечно, не опасаясь демонов болот и иных обитателей ночи, не боясь, что какой-то смельчак рискнет забраться сюда — поэтому даже не удосужились выставить охрану.

Непроглядная ночь была Конану верным союзником. Незамеченным он подобрался к затухающему костру и осторожно выглянул из-за развалин. Пикты спали вповалку, закутавшись в теплые меховые одеяла. Мощным рывком Конан выдернул из кучи первого попавшегося пикта и, словно гигантский удав, сдавил его в своих могучих объятиях. Послышался хруст ломаемых костей. Пикт даже дернуться не успел, как его душа уже отправилась к предкам. Киммериец завладел одеялом — грязными вонючими лохмотьями, грубо сшитыми из обрывков козьих шкур, — и, морщась от отвращения, завернулся в него с головой. Безжизненное тело он без лишнего шума утопил в одном из бочагов.

Лавируя между кострами, киммериец подобрался к каменному частоколу менгиров. Последний раз критически оглядел себя с ног до головы. Теперь он ничем не отличался от оборванных пленников, беспокойно метавшихся в сонном бреду. Правда, рост... Но с этой проблемой он как-нибудь справится. Конан слегка присел и на полусогнутых ногах прошелся между столбами, поправил спрятанный на спине меч, довлетворенно хмыкнул.

Ночь стояла — рук не видно. Пробраться между дремлющими часовыми и присоединиться к пленным для ловкого северянина не составило большого труда.

Он бы и в подземелье проник, но там вдруг замелькали огни и

послышались голоса. Киммериец устроился среди грязных, потерявших человеческий облик пленников и уже через несколько минут безмятежно дремал.

Бледное туманное утро медленно наползало с востока, растворяясь в густых испарениях болот. Лагерь пиктов постепенно оживал, но давно проснувшийся Конан оставался лежать вместе с другими. За плотной занавесью тумана он не мог ничего разглядеть, и казавшийся таким удачным вчерашний план поутру оказался не столь уж блестящим замыслом. Но отступать было поздно. Оставалось лишь ждать, и Конан терпеливо ждал, хотя неясная тревога ни на миг не покидала его: обострившиеся чувства вновь уловили волны зла, что, подобно морскому прибою, накатывались из черных глубин долмена.

Долго ждать, пребывая в неизвестности, ему не пришлось. Лежа на холодной, сырой земле, киммериец почувствовал, как дрогнули под ним глубины и откуда-то из их потаенных уголков полилась протяжная уже знакомая погребальная мелодия. Она близилась, становясь все громче и громче и отчаянно отзывааясь пульсирующей кровью в висках.

Жрецы вышли на поверхность и занялись привычными делами. Перебросившись парой фраз с часовыми, они стали пинками поднимать обессиленных, замерзших за ночь пленников. Измученные люди с трудом держались на непослушных ногах — безропотные, покорные, смирившиеся со своей судьбой.

Крепкий пинок под ребра заставил Конана заскрежетать зубами от ярости. Он с усилием подавил в себе гнев и тяжело поднялся, стараясь во всем походить на своих угрюмых и безответных товарищей по несчастью. Только тут он заметил, что среди пленных есть женщины, но такие грязные и забитые, что взгляд киммерийца не задержался на них.

Куда больше его интересовали жрецы. Пленниками занимались четверо — все плотные, кряжистые, вооруженные короткими копьями с длинными широкими наконечниками, которыми при желании можно было рубить, как боевыми топорами, — оружие явно не пиктское. Подгоняя тычками и окриками сбившихся в испуганное стадо хайборийцев, надсмотрщики погнали их в зияющий зев прохода.

Конан оказался в центре колонны, между полураздетой женщиной со следами безжалостных побоев на всем теле и здоровенным пожилым аквилонцем с мощной мускулатурой молотобойца и бегающим затравленным взглядом из-под ниспадающих на лицо засаленных соломенных косм. Никто из пленных не обратил на киммерийца внимания.

Несчастные люди покорно сносили пинки и издевательства своих

конвоиров и тупо брели вперед, не задумываясь, куда и зачем их ведут.

Колонна вступила под мрачные своды долмена, задержавшись возле убегающих куда-то вниз лестничных ступеней, пока жрецы раздували трут для своих факелов. К удивлению киммерийца, внутри подземелья оказалось просторно и сухо. Болотная грязь, растасканная множеством ног, еще покрывала верхнюю часть лестницы, но чем глубже она уходила под землю, тем становилась суще и чище. Высокие потолки, идеально ровные, гладкие стены и полы из плотно пригнанных друг к другу плит, между которыми почти не различались швы кладки, строго выдержаные прямые линии и углы — творения рук неизвестных строителей — ничто не ускользнуло от пытливого взгляда Конана.

Но с каждым пройденным шагом все холодней становилось вокруг, и это вовсе не походило на зимнюю стужу. В морозном воздухе подземелья слились могильный холод и леденящее кровь чувство чего-то потустороннего, что давно покинуло земной мир, превратившись в частицу вечности. Каменный лабиринт дышал ужасом, заставляя учащенней стучать сердца и будоража воображение немыслимыми кошмарами. Мрак клубился по углам величественных залов, на серых стенах танцевали замысловатые, зыбкие тени, словно ожившие чудовища подземных недр. Встреча с неведомым, притаившимся где-то там, в глубине, под сенью гнетущих сводов, не сулила для смертных ничего хорошего. Даже безучастные ко всему невольники почувствовали это, заволновались и замедлили шаг. Лишь безжалостные побои и угрозы надсмотрщиков заставили обреченных людей двинуться дальше.

Вскоре спуск закончился, и пленников оставили в большой сумрачной зале. Откуда-то из темноты явились другие жрецы и о чем-то заговорили с конвоем. Конан прислушался, он понимал гортанный говор дикарей, в котором всего-то и была одна-другая тысяча слов. Но гулкое подземное эхо коверкало слова, и как ни старался киммериец, а разобрать удалось лишь обрывки отдельных фраз. Пленников построили в ряд. Старший среди жрецов, с бронзовыми браслетами на руках, прошелся вдоль строя, придирично рассматривая людей. Для своих неведомых целей он отобрал пятерых самых крепких и сильных мужчин, которых тут же куда-то увели. Остальных, включая женщин и Конана, которого жрец принял за горбuna, точно скот погнали по длинному и узкому боковому тоннелю. С недобрными смешками надсмотрщики втолкнули их в зловонную пещеру, поспешно захлопнув за ними каменные створки массивных дверей.

Узники тут же уселись на пол, не обращая внимания на холод и какую-то слизь под ногами. Конан сбросил лохмотья и с удовольствием

выпрямился во весь свой гигантский рост.

Из пиктского одеяла он изготавлил некое подобие факела, достал кремень и кресало. Свалявшаяся, плохо выделанная козья шкура никак не хотела загораться, но вот слабые язычки пламени затрепетали на кончике импровизированного светильника, один миг — и он, ярко вспыхнув, осветил их узилище.

Весь пол пещеры покрывала кровь, всюду валялись груды рванья с белеющими человеческими костями. В дальнем конце пещеры виднелся широкий проход во всю стену, за которым нельзя было рассмотреть ничего, кроме темноты. Под землей что-то глухо зарокотало. Конан приблизился к одной из куч, громоздившихся вдоль стен, ковырнул ее мечом. Первое, что он увидел, была оторванная человеческая голова.

«Кром! Что же здесь происходит?!»

Ответом ему стало приближающееся из тоннеля громоподобное рычание, будто шквальный ветер хлестнувшее по подскочившим в испуге людям.

Перепуганные невольники от страха готовы были слиться со стенами. А грозный звериный рык все близился. И вскоре к нему присоединилось эхо тяжелой поступи, от коей содрогались незыблемые пещерные своды.

Люди в панике заметались по пещере, в исступлении колотя кулаками в безмолвные и равнодушные к их участи двери. Кто-то неведомый, но очень большой и грузный знакомой дорогой шел прямо к ним. Узники словно обезумели, и только Конан тружился с лихорадочной быстротой, поджигая истлевшую ветошь и кости, вспыхивающие, словно сухой тростник.

Киммериец сперва почувствовал, а уж затем увидел чудовище, вызванное сюда из глубин преисподней, чтобы стать их палачом. В беспорядочно мечущемся свете добрых дюжины костров толком ничего невозможно было разглядеть. Что-то уродливое и косматое, то ли зверь, то ли демон, заполнило собой весь проход и остановилось на пороге, наблюдая сквозь узкие щелочки глаз за агонией вопящей в исступлении пищи. Тягучая слюна потекла по бесформенной морде, и голодное брюхо чудовища отзвалось утробным урчанием.

Конан, выставив перед собой меч, медленно пятился, оставаясь все время лицом к противнику, и остановился, только когда почувствовал спиной холодный камень стены.

— Умоляю, убей меня! — послышался слабый голос откуда-то снизу.

Конан бросил короткий взгляд, не успев толком разглядеть сжавшуюся в углу женскую фигурку.

— Сиди тихо, женщина. Мне вовсе не хочется умирать! — грубо приказал он.

В следующий момент чудовище сделало шаг, с завидным проворством сцепив ближайшую жертву. Пещера наполнилась истошным воплем несчастного. За первой смертью последовала настоящая бойня, безучастным свидетелем которой поневоле стал киммериец. Но вот все кончено, настало время и ему встретиться со смертью один на один... Женщина не в счет.

Чудовище слегка притомилось, гоняясь по всей пещере за удирающей бесстолковой пищей, тяжело дышало, высунув до земли длинный, шершавый язык, но по-прежнему глядело на Конана, как на лакомый кусок мяса.

Переваливаясь на исполинских лапищах, оно лениво направилось к киммерийцу. Не дожидаясь нападения, Конан атаковал, вложив в удар всю силу. Меч рубанул по оскаленной морде, пройдя наискось через глаз и оставив глубокий кровавый след. От неожиданности чудище отшатнулось и с жалобным мычанием, мотая лохматой башкой, уселось на задние лапы. Ободренный успехом Конан ринулся на врага, осыпая его ураганом ударов. Зверь лишь ревел от злости и боли, неуклюже отмахиваясь от не знающего промаха клинка когтистыми лапами. Несколько раз Конан успешно ускользал от его смертоносных когтей, но движения зверя становились все резче и стремительнее. И вот одно из них настигло киммерийца. Он сам это понял, лишь когда, словно кошка, опустился на ноги, описав под потолком невероятную петлю. Тут же ему пришлось низко пригнуться, уходя от следующего удара. Меч, выбитый из рук разъяренным чудовищем, остался где-то за спиной у зверя. Чудовище заковыляло к киммерийцу и нависло, поднявшись, подобно медведю, на задние лапы, над ним с неотвратимостью самой смерти.

— Лови! — Пронзительный женский крик, точно горячая пощечина, хлестнул северянина.

И будто вендийский факир, Конан выхватил меч прямо из воздуха и вогнал его в необъятное, обрюзгшее брюхо. Зверь всей громоздкой тушей грохнулся на пол, скребя когтями каменные плиты, дернулся несколько раз и затих навсегда.

Конан, еще не веря в столь легкую победу, с опаской обошел чудовище стороной и приблизился к женщине.

— Как твое имя? — хрипло спросил он, протягивая ей руку.

— Мейн, господин мой, — чуть слышно ответила она, вкладывая свои тонкие длинные пальчики в могучую, мозолистую ладонь киммерийца.

— Идем, Мейн...

— Куда?! Нам ни за что не выбраться из этого ужасного подземелья!

— Пойдем по этому тоннелю, — мягко ответил Конан. — Что-то подсказывает мне, что этой дорогой мы попадем к хозяину зверя.

— А если хозяин окажется страшнее чудовища? — Женщина все еще боялась, но в глазах ее загорелась надежда.

— Что ж, тогда мы убьем и его, — просто ответил киммериец и, не тряся времени на болтовню, зашагал к проходу, увлекая женщину за собой.

Путь их по бесконечному лабиринту коридоров и переходов, чередовавшихся с залами и лестничными маршами, был долг. Им встретилось множество помещений: различных кладовых и складов, забитых припасами до потолков, молелен со статуями звероподобных богов, давно исчезнувших из памяти людей, крохотных жреческих келий, где широкоплечий Конан с трудом мог повернуться.

Ненадолго они задержались в оружейной, рассматривая диковинное искусно сделанное оружие неведомых мастеров. Мейн прихватила огромный боевой лук.

— Умеешь стрелять? — с сомнением спросил киммериец.

— Я выросла на ферме в приграничье... Немного великоват, но думаю, справлюсь, — гордо вскинув голову, ответила девушка.

— Поглядим, — проворчал киммериец и больше вопросов не задавал.

Последний факел давно догорел, и, если бы не звериное чутье северянина, бродить бы им по подземелью до конца своих дней. Но ветерок удачи привел их к незапертой железной дверце, из-за которой слышалось нестройное пение и тянуло отвратительным запахом пригоревшего жира.

Беглецы осторожно заглянули внутрь. В небольшом зале висел тяжелый смрад от тысячи сальных горелок, сквозь копоть с трудом угадывалась противоположная стена с множеством таких же дверей. В дальнем конце располагался невысокий помост с пятью каменными монолитами, по форме и высоте напоминающими усыпальницы древних царей. Но, приглядевшись, киммериец понял, что ошибся.

На каменных глыбах распростерлись человеческие тела. Люди были отмыты и раздеты, так что Конан не сразу узнал в них недавних товарищей по заключению, уведенных жрецами. Никто не был связан или прикован цепями, люди лежали свободно, расслабившись, будто просто отдыхали. Двое еще живых и трое мертвцев ничем не отличались друг от друга, не считая аккуратных шрамов на горле убитых и алых пятен крови, залившей алтари и тонкими струйками стекающей по желобкам.

Зал был битком набит пиктскими жрецами, но Конан с бешеной

ненавистью смотрел лишь на одного, что, скрестив на груди обнаженные руки, стоял позади алтаря и, казалось, не принимал никакого участия в кровавом обряде. Но именно он являлся вожаком всей своры. Да, он был киммерийцем — широкоплечим, мускулистым, на две ладони выше самого Конана.

Обнаженный до пояса, лишь в невесомом коротком плаще-накидке, он казался живым воплощением бога, с рельефным торсом, будто вырубленным из цельного куска мрамора. Неподвижно застывший взгляд глубоких, неопределенного цвета глаз, устремленный поверх голов пиктов, казалось, пронзил немыслимые дали. Голову его венчал обруч с невероятных размеров рубином, пульсирующим на лбу великана, словно живое человеческое сердце.

Конан облизнул пересохшие вдруг губы.

— Сейчас я войду туда, — бросил он, не оборачиваясь.

— Я с тобой! — поспешил откликнуться Мейн.

— Хорошо, но держись позади. Стреляй в любого, только оставь мне вон того, высокого.

Пинком Конан распахнул настежь дверь и ворвался в жертвенный зал. Рукоятью меча свалил ближайшего жреца и остановился над поверженным телом — грозный и страшный, будто сам бог войны. Пение оборвалось на полуслове, глаза присутствующих с удивлением и ужасом взорвались на пришельца.

— Повелитель! Это одна из девушек, что предназначены в жертву Стражу! — заголосил какой-то жрец.

И тот, кто его убил, — растягивая слова, процедил великан, без злобы, с нескрываемым любопытством разглядывая киммерийца. — Легко догадаться, что это должен быть непростой человек.

— Предатель! Сейчас и ты умрешь! — бросил Конан ему в лицо, занося клинок для удара.

На лице великана мелькнула тень досады.

— Задержите его! Нам нужно закончить...

В руках верховного жреца сверкнуло лезвие кривого кинжала, и тело очередной жертвы забилось в предсмертных судорогах. С яростным криком Конан ринулся в самую гущу врагов, хмелея в предвкушении битвы.

Рассерженным шершнем прогудела пушенная Мейн стрела. Перекошенные злобой лица жрецов кружились перед глазами киммерийца, разящего налево и направо, едва успевая выхватывать из завывающей толпы пиктов испуганные и ненавидящие взгляды, чтобы тут же гасить в них блеск жизни.

— Остановитесь! — прогремел на весь зал повелительный голос верховного жреца. — Оставьте нас, все прочь отсюда!

Дважды пиктам повторять не пришлось, и уже через миг Конан остался лицом к лицу с великаном посреди груды изрубленных и пронзенных стрелами тел.

— Довольно, Конан из Киммерии! Видишь, мне известно твоё имя. Мне многое известно... Вот эта дверь ведёт в тайный ход. Ты можешь сейчас же уйти, и никто не посмеет тебя остановить, — миролюбиво обратился в нему великан.

— Без твоей жизни я отсюда не уйду, — прохрипел в ответ Конан. — Бесчестный, гнусный предатель! Как мог ты, киммериец, связаться с грязными пиктами?!

— Для меня они лишь инструмент и ничем не отличаются от тебя, Конан. Попытайся понять меня. Я мог бы взять нужное мне силой, прибегнув к колдовству, но предпочел мирный путь...

— Вступив в сговор с извечным врагом своего народа?!

— Я, как и ты, давно покинул родину. Для меня между ними и прочими людьми нет разницы. С их помощью я нашел этот храм, очистил его от скверны...

— Чем ты за это заплатил?!

— Я дал им знание и силу, чтобы бороться с врагами.

Конан недобро рассмеялся ему в лицо:

— Не говори, что не знал, кого пикты считают своими врагами. Теперь прольется море крови и оборвутся тысячи жизней.

— Какое мне до этого дело? У меня своя цель. Я шел к ней всю жизнь, нашел Талисман Света, отыскал этот город и обрел истинного учителя. Нам больше нечего делать в этом мире, и скоро мы уйдем за грань времен.

— Я постараюсь, чтобы ты остался здесь навеки.

— У каждого человека свой путь — у меня, у тебя, у пиков... Ты выбрал дорогу воина и скоро достигнешь высот. Знай же, Конан, ты завоюешь себе трон и станешь королем... Я же избрал тропу знаний и сейчас стою на пороге своего величайшего триумфа. Наши пути разные, но в чем-то они все-таки схожи...

— Твои знания — зло!

— Стоит ли называть злом то, чего ты не в силах понять?

— Путь колдуна — путь без чести! Чародей беззлобно ухмыльнулся:

— Ты говоришь как простой вояка. Взгляни на свой меч, он весь в чужой крови...

Меч в руках воина всегда останется; только мечом. Зато я видел, как

ваши черные знания в мгновение ока уничтожали целые армии и обращали в рабство народы.

— А разве с помощью клинов пролито меньше крови? Я, как и ты, презираю тех магов, кто свернул с пути постижения истины, поставив во главу угла свои честолюбивые цели.

А эти несчастные, которым ты выпустил кровь, словно это не люди, а свиньи, лишив их воли и права умереть достойно?!

Они все равно умерли бы у пыточных столбов под улюлюканье толпы, в страшных корчах и муках. Я же освободил их от пыток... Послушай, Конан, уж если мы не можем стать друзьями, то давай хотя бы расстанемся мирно.

Я поклялся именем своего бога перед памятью погибших друзей, и будь я проклят, если дам тебе ускользнуть, не отомстив за их кровь. Выходи и дерись, как мужчина!

— Что ж. — Колдун с сожалением вздохнул. За время разговора он ни разу не повысил, голос и оставался спокоен. — Я мог бы испепелить тебя на месте, земляк. Но, уважая твоё мужество, готов принять глупый вызов.

— Тогда защищайся! — взревел Конан, набрасываясь на ненавистного врага.

Хищное жало его клинка уже почти коснулось горла колдуна, когда, невесть откуда, в руках мага возник длинный посох с замысловатым медным набалдашником. Словно шутя, чародей парировал удар, а другим концом палки пребольно прошелся по ребрам Конана и сам перешел в нападение, орудуя посохом с поразительной ловкостью. С трудом отбиваясь, потрясенный Конан только и мог, что отступать, не находя в защите колдуна ни малейшей лазейки. Вскоре он пропустил еще несколько крепких ударов, но лишь скрипел зубами от боли и злости, терпеливо ожидая ошибки противника.

И она не заставила себя долго ждать. Чрезмерно увлекшись атакой, колдун неосторожно открыл и тут же получил удар в голову. Непостижимым образом он уклонился, клинок всего лишь скользнул по лицу, оставив царапину от уха до подбородка. И если бы не золотой обруч, слетевший с головы и нечеловеческая реакция мага, не миновать ему смерти.

Бойцы остановились, переводя дыхание и испепеляя друг друга гневными взглядами. Колдун смахнул с лица простиравшую кровь, и алые капли брызнули на жертвенный камень. В тот же миг стена за алтарем пришла в движение, открылась потайная дверь, за которой угадывалась небольшая комната. В глубине помещения стоял трон, на котором

неподвижно сидел высокий человек в шитых золотом одеяниях, ниспадающих до самых стоп. Лицо скрывала искусно вырезанная золоченая маска, и только обнаженные кисти высохших мумифицировавшихся рук, унизанных дорогими перстнями, сжимали на коленях сверкающую хрустальную пирамиду, известную Конану как Талисман Света.

— Ты пролил на алтарь свою кровь, — зазвенел в ушах киммерийца замогильный голос незнакомца, — нарушив ход священного обряда. Теперь нам нужно спешить, Торид...

Да, учитель, — как эхо отозвался колдун и бросился к открытым дверям.

— Ну уж нет!

Конан прыгнул следом, успев схватить беглеца за край развевающегося плаща. Щелчок, и киммериец остался с бесполезной вещью в руках — заколка не выдержала и сломалась. Оба были стремительны и настроены самым решительным образом, вцепившись намертво в двери, каждый со своей стороны. Мускулы на руках противников вздулись буграми, глаза ненавидящие сверлили друг друга, и ни один не желал уступать. Краем глаза Конан заметил, как дрогнула рука мумии и перстни на высохших пальцах перемигнулись разноцветными огоньками. Неведомая сила подхватила киммерийца и швырнула через весь жертвенный зал. Дверь с грохотом захлопнулась.

— Очнись, да очнись же! — Мейн безжалостно тряслась Конана за плечи.

Кругом клокотала вода, которая стекала по стенам, звенела капелью с потолка и медленно сочилась из-под дверей.

— Нужно убираться отсюда!

Рывком он поднялся на ноги и не раздумывая потащил женщину к двери, за которой скрывался потайной ход. Вода прибывала. Дверь оказалась не заперта. На пороге Конан замешкался, пропуская девушку вперед.

— Иди, я сейчас, — подтолкнул он ее. Киммериец вернулся в зал и стал шарить в мутной воде, ища что-то возле жертвенников.

— Хвала богам! — ликующее заревел он, держа золотой обруч в руках.

Дальше было бегство — сперва по колено в воде, затем она поднялась им до пояса, достигла груди. В конце концов пришлось плыть, и только чудо помогло беглецам выбраться из подземелья и достичь безопасной вершины, продираясь сквозь ночь и вспучившееся, вставшее на дыбы болото.

Конан проснулся, когда ласковые солнечные лучи, пробравшись сквозь густую листву дубов, отогрели простывшую за ночь землю. На месте болота сверкало огромное озеро. Пикты разбежались. Рядом сидела Мейн, пытаясь рукой расчесать свои русые волосы и примерить обруч с рубином. Вода отмыла с нее грязь, и киммериец не без удовольствия отметил, что женщина мила и привлекательна.

— Что ж, Мейн, нам пора уходить. Вряд ли пикты отказались от своих планов, даже потеряв предводителя... Мне нужно спешить в Велитриум.

— Пусть будет Велитриум. Но, — женщина загадочно улыбнулась, и ее пальчики нежно коснулись широкой груди киммерийца, — не лучше ли переждать час-другой? Мне кажется, это будет благоразумно, не так ли?

— Кром, о чем я меньше всего думаю, так это о благоразумии! — фыркнул Конан и привлек девушку к себе.

OCR: Vodevil (Мельник Юрий)

WWW.CIMMERIA.RU